

Глава 1

Из черного пластикового пакета кокетливо выглядывали свиные уши, прозрачно намекавшие, что где-то там, в недрах, притаилась и сама свиная голова. Я нервно сглотнула и попыталась еще раз добиться от посетительницы, по чью душу она явилась.

— Да говорю же, Тамара я, из Петушков. Вы объявление давали? — Полноватая румяная тетка в шерстяном берете, сползающем на ухо, сунула мне прямо под нос смятую газету. Судя по запаху и характерным пятнам, совсем недавно в нее заворачивали бутерброд с селедкой.

Ткнув пальцем куда-то в область жирной кляксы, она утерла пот ладошкой и голосом, каким обычно разговаривают с глупым дитем, завела свою песню снова:

— Написано, что частный детектив туючки принимает. И первым клиентам скидка 90 процентов. А мне надо, беда у нас в деревне. Кому сказать? Любимца лишилась, а еще муж чуть не помер, зараза его бери! Полез на чердак — и вниз кулем. А птица

вся лежит умерши, натерпелась через эту стервь. Вон, руки у меня до сих пор дрожмя дрожат. А вы детектива не видели, где его искать-то?

Постепенно до меня стала доходить суть происходящего. Внимательно изучив объявление, я хмыкнула, а рука моя непроизвольно потянулась к телефону. Хотелось громко материться, но не делать же это при незнакомой тетке. Девушка я интеллигентная, хотя тут и случай особенный... Меж тем Тамара продолжила свою душещипательную историю.

Вопреки моим крамольным мыслям любимцем оказался всего лишь черный петушок породы Аям Чемани. Тамара даже показала его гордое фото на телефоне: с экрана на меня злобно смотрели немигающие черничные глазки-бусинки.

Оказалось, Тамара жила в деревне Петушки, разводила птицу и воспитывала мужа Леонида, который был закодирован уже лет как десять. Этот момент она подчеркнула особенно и с гордостью. «Стервью» же оказалась соседка Тамары — старая Марфа, жившая от нее через дом.

Итак, петушок пропал, и хозяйка подозревает злокозненную соседку в использовании своей птицы в ритуале жертвоприношения. А после того, как она высказала врагине свое «фи», дом атаковала воющая стая собак. Остальная птица тоже в одну ночь пала, сраженная проклятием.

Такой ахинеи я давно не слышала, но постепенно втянулась и, подперев рукой голову, мерно кивала в такт ее словам.

— Ведьма она, вот те крест. Все так говорят: и Костик, и бабка Мальвина, и Лизавета, что коз держит. Да все местные. А народу к ней сколько ездит! Едрить-колотить! Да все на машинах дорогих, а палисадник мой в кашу смяли.

Тут Тамара подскочила и, понюхав пакет, устроила его под стулом.

— Ой, как бы свиная голова вам тут не замастила пол!

Я обреченно взглянула на дорогуший бежевый ламинат, а после на свои новенькие швейцарские часы — подарок от отцов на последний день рождения — и попыталась тактично кашлянуть.

Тамара проигнорировала мои потуги и продолжила:

— И ладно бы только это, так нет, ей еще и участок мой понадобился. Я для дочки брала, а она не садит. Зять говорит, что в наш Мухосранск только на пенсии переедет. Ну, и стоит. И что?

— И что? — зевнула я.

— Ну, и пушай стоит, не ее ума дело. Старая упыриха, уже, почитай, годков семьдесят ей, а все туда же, в черную магию! Петушка она свела, помняи мое слово! Они им голову свернут — и амба. А кровь для обрядов, это Костик сказал, он в этом деле знает толк, у него теща тоже ведьма была. Так вот, петушок помер в тот день, как я голову свиную привезла, как сейчас помню...

— Да что вы заладили со своей свиной головой? — не выдержала я попытки свининой.

— А ты погоди, ретивая. Вот я же говорю: голову купила в тот день. А я ее аккурат пятнадцатого числа покупаю, как пенсию дают. Я в этот день к дочке в город езжу. Потому-то число и запомнила.

Тут в коридоре показался хор мальчиков-гусаров, репетирующий номер к корпоративу нефтеперерабатывающей компании. Людочка из приемной весело пересчитывала их, как цыплят по осени, и это немного отвлекло Тамару от свиной темы:

— Ой, гляди-ка, гусарики. Небось употели! Вы бы их рассупонили, а то просквозит же. Жарит у вас тут, как в аду.

— Кстати, про ад... Может, на сегодня хватит? — с надеждой глянула я на гостью. — Вашего сыщика все равно нынче нет, он на задании. Давайте я ему все передам, а он уже с вами свяжется. Идет?

— А ты, чай, у него секретарша? — усмехнулась Тамара, обмахиваясь газетой. — Я и гляжу: мордашка смазливая, а на уме небось только моды да журналы. Настоящий сыщик — это же скала, мощь, мозги! Помнишь Коломбо? По телевизору показывали? Хотя ты сикилявка тогда была. Вот это мужчина был, а плащ какой...

— Это такой возрастной чудак в потертом пальто, бормочущий про свою жену, которую никто никогда не видел? Он еще всегда оборачивается у двери, в которую вот-вот выйдет, и говорит расслабившемуся злодею «И еще кое-что...». А потом задает главный вопрос, который и раскрывает преступление.

Тамара всплеснула руками, ахнула, а я ухмыльнулась, пробормотала «так-то» и откинулась на спинку кресла. В этот момент я представила, что скажет любительница Коломбо, когда увидит детектива — моего тощего секретаря Славика с выбритыми висками, в джинсах кожи и неоновой толстовке.

Тамара закричала, поднимаясь со стула. Стул тоже натужно закричал, пакет под стулом накренился, а свиная голова таки победоносно выкатилась в центр кабинета.

Застонав, я уронила свою гудящую от рассказов гостьи голову на сложенные руки и расхохоталась под неодобрительные взгляды одевающейся Тамары.

Как только дверь за ней закрылась, я набрала номер человека, которого в данный момент очень хотелось прибить чем-то тяжелым. Но так как отцами у меня были подполковник, бизнесмен и философ, то я оценила риски, взвесила возможности и просто три раза глубоко вдохнула.

Да, вы не ослышались. У меня три папы и секретарша Славик. Обычно это всех удивляет, а как по мне, то все это дела житейские. Мама трижды была замужем, и каждый раз — удачно. Она бы с этим не согласилась, но для меня все три отца были лучшими на свете.

Папа № 1 не был моряком дальнего плавания, но слишком долго плавал. Так бабуля вещала. Уже в два года я знала, что папа-полицейский всегда на работе и борется со злом. Даже свечки на его именинном торте приходилось задувать мне.

Папа № 2 был бизнесменом, а не бандитом. Но, по мнению все той же вездесущей бабули, все богатые люди из 90-х — бандиты, а он был богатым, лысым и упорно тяготел к кожаным пиджакам.

Папа № 3 не ловил ворон. Он был философом, но от востроглазой бабули не укрылся тот факт, что он был бездельником. Мамуля нашла в третьем отце тихую пристань после папы-бизнесмена: в ту пору третий отец работал частным психологом.

Но родительница терпеть не могла оседлую жизнь, считая, что лучше безобразия, чем однообразия. Мамуля сказала отцам «adios», но все трое звали меня дочкой и щедро делились житейской мудростью и всем, чем бог пошлет. Словом, с отцами мне несказанно повезло.

Все мои папы называли друг друга не иначе как бывший, предбывший и следующий. При этом в разные времена отношения их варьировались от полной неприязни до передачи друг другу чудодейственной тайской мази от геморроя. Как-то я спросила у отцов, как им в свое время удалось создать и сохранить некое подобие дружбы, на что папа № 1 туманно заявил, что общие страдания объединяют.

— Страдания после расставания с мамой? — робко спросила я, но по папиному лицу поняла, что не угадала. Хотя нет, попала я почти в точку. Только предлог «после» в моем вопросе надо было заменить на предлог «до».

Но папа был джентльмен, потому потупил взор, пробормотал что-то неопределенное и уткнулся

в свою любимую книгу — «Преступление и наказание». Его последователи повторили тот же трюк, только книги были другие. У второго «Уголовный кодекс», а у третьего — «Большая книга психики и бессознательного. Толкование сновидений».

Сама я, хоть и работаю в агентстве праздников, окончила юридический факультет: папа № 2 и № 3 одобрили выбор. Первый хотел иметь своего юриста на случай непредвиденных обстоятельств, второй надеялся, что там я быстро осознаю суетность и тщетность бытия и поеду с ним в Китай к шаманам. Папа № 1, по обыкновению, пропустил дебаты: он был на работе и боролся со злом.

Кое-как получив диплом, я бросила юриспруденцию и занялась организацией свадеб. Потому что юрист я была плохонький, а организатор от Бога. Так мама говорила. Свою первую свадьбу я организовала еще в утробе родительницы. Это тоже ее слова, не мои. Благодаря мне родители и окольцевались. Я была незапланированным, но любимым ребенком: назвали меня Дариной, что означает «Божий дар».

Владеть своим праздничным бизнесом казалось мечтой: белые платья, голуби и торты. Папа № 2 по случаю купил мне пустующий офис в самом центре. Там я и открыла агентство праздников «Шанс от Дарины». Мой пакостный секретарь Славик всегда добавлял к названию приставку «последний».

Как и всякий организатор, через год я уже не пылала любовью к тортам, шарикам и голубям. Пер-

вые вызывали тошноту, вторые противно воняли резиной, а голуби не только воняли, но и гадили. А еще птичек было жалко.

Через год я возненавидела юбилеи и свадьбы, стала цинично смотреть на институт брака и на открытки с пожеланиями. Через два вошла в ритм и ночевала на работе. А через три решила вообще не отмечать свой день рождения и не выходить замуж, а сосредоточиться на карьере.

Папа № 2 посмеялся с моей «блажи», а папа № 3 изрек очередную мудрость (где он их там брал, лишь богу известно):

– Каждый идет своим путем. Но все дороги все равно ведут в никуда. Значит, весь смысл в самой дороге, как по ней идти.

К тому времени он бросил психологию, стал постигать буддизм и достиг такого уровня просветления, что понять его простым смертным было не по силам.

Папа № 1 в обсуждениях не участвовал: он был на работе и боролся со злом.

Со дня основания агентства со мной работал Славик. Он достался мне в наследство от папы № 2: когда-то работал у него медбратом (да-да, Славик перебрал почти все женские специальности). Папа решил, что мне он нужнее, но я подозреваю, что Славик был у меня папиными «ушами».

Мой секретарь — выдающаяся личность, достойная отдельного описания: существо почти без достоинств, крайне зловерное и ехидное. Он па-

тологически ушаст, психически неустойчив, снизу доверху покрыт локтями, коленями и кожными высыпаниями. Кажется, Славик состоит только из эмоций и амбиций. Зато от него всегда можно узнать что-то новенькое, посплетничать и позлословить он мастак.

Толстых клиентов он всегда называл жирдяями, хоть я и объясняла ему, что в нашем мире праздника и радости не говорят «жир», а лишь прозрачно намекают на «лишние сантиметры в области талии». Но не таков был Славик. Если у дамы были пикантные волоски над верхней губой, он звал их пышными усами, а эффект апельсиновой корки на бедрах юных прелестниц глумливо именовал жутким целлюлитом.

Конечно, с его костями не понять, что гораздо приятнее, когда твои ягодички напоминают апельсин, а не вялую каракулевую шапку. Но на костях нет целлюлита, а у Славика отродясь не было чувства такта.

Несмотря на абсурдность следующего заявления, Славик всегда чрезвычайно нравился дамам всех мастей и возрастов: видимо, он вызывал у них острый материнский инстинкт, а еще желание накормить его досыта и приложить к широкой и плодородной груди.

Нет, вы не подумайте, обычно Славик ворчит только наедине со мной, иначе мог бы пожизненно лишиться премии. Я для него почти что идеал (так он говорит накануне зарплаты), хотя и во мне

он периодически ищет изыяны: то слишком яркий маникюр, то посадка джинсов неудачная, то оттенок блонда потускнел. Сам Славик считает себя сексапильным модником, прекрасным работником и невероятно начитанным джентльменом. Ну, а я помалкиваю и посмеиваюсь в кулачок, руководствуясь житейской мудростью: «Хоть и плохонький, да свой».

И вот теперь этот пакостник подкинул мне очередную свинью. Помянув свинью, я непроизвольно поежилась и даже зачем-то помахала руками «свят-свят». Сам же упомянутый все пакостник на данный момент пребывал в роскошном ведомственном санатории, где занимался реабилитацией своей вывихнутой ноги. Итак, рассказываю по порядку.

В конце марта Славик неожиданно запросился в отпуск. Вскоре причина стала ясна, как божий день. Папа № 2 со своими бизнес-партнерами решил махнуть на отечественный горнолыжный курорт, а мой плохонький секретарь понадобился ему там в качестве медбрата. Конечно, папа хитрил. Я-то знала, что Славик отлично ставит капельницы, выводящие из запоя, а этот ценный навык папе и его собратьям по отдыху был очень кстати. Но Славик бы со мной не согласился. Сам-то он называл свою экспедицию в горы попыткой «ухватить зиму за хвост» и был крайне рад быть полезным папе № 2.

Я отпускать Славика не хотела: надо заранее готовиться к выпускным, да и зима давно закончилась. Но папа № 2 просил за него, утверждая, что

сезон лыж закрывается только после майских праздников, и я сдалась. Вот как чувствовала, что ехать туда этому Буратино не стоит! Кататься Славик, конечно же, не умел. Ринулся спасать упавшего папу (тот тоже катался хуже, чем наживал миллионы) и сразу же получил вывих ноги.

Ногу ему вправили, фиксирующую повязку наложили, купили билет и отправили поездом восwoяси. Местный эскулап, не чая избавиться от этого болтуна, рекомендовал, после того как фиксация будет снята, совершать медленные пешие прогулки и прикладывать лед.

Возвращение блудного попугая на рабочее место не порадовало. Работала я все так же без секретаря, да еще приходилось помогать ему подниматься по лестницам, подавать чай и контролировать время приема лекарств.

Славик вошел в образ умирающего лебедя, стал манкировать рабочими обязанностями и совершал прогулки вокруг офиса, греша позерством. Теперь с собой он постоянно таскал трость с массивным медным набалдашником в виде головы льва. Мне кажется, откопал он ее где-то на чердаке старой дачи, потому что лев был изрядно побит жизнью. Как и сам Славик после горных лыж.

Папа № 1 как раз заехал ко мне на работу, чтобы поздравить с днем рождения, и чуть со смеху не умер, завидев этого лорда в окне. Наблюдая мои мытарства, добрый папа предложил отдать Славику свою путевку в санаторий.

— Пусть этот болезненный восстанавливает здоровье и не мозолит тебе глаза, — заявил родитель и даже вызвался отправить хромого в здравницу на рабочем «уазике».

Сам папа поехать на отдых не смог, потому что как раз получил подполковника и у него прибавилось не только звездочек на погонах, но и забот по борьбе со злом.

Глава 2

Итак, набрав номер Славика, я приготовилась дать ему увесистых люлей, но для приличия сначала поинтересовалась здоровьем хромящего. На что получила емкий ответ:

— Буль-буль-буль джакузи, валяюсь я на пузе. А ты?

— Сижу на унитазе я, полная фантазии! Ты там расслабляешься в санатории, сыщик доморощенный, а мне приходится беседовать с полоумными тетками из глубинки, — огрызнулась я, хоть это мне и несвойственно.

Пришлось поведать ему историю свиной головы и почившего петушка. Славика она, кажется, впечатлила:

— Пока Илон Маск страдает ерундой, я тружусь в поте лица. Видишь, даже находясь в здравнице, нашел первого клиента для нашего детективного агентства.

Тут нужно сделать лирическое отступление, чтобы пояснить, откуда у Славика возникла тяга к не-

легкому ремеслу частного детектива. Основной работой нашего агентства, естественно, были свадьбы, и однажды нам пришлось в спешном порядке искать украденную невесту.

Славик принимал в этом самое деятельное участие и возомнил себя едва ли не Шерлоком. Он зачем-то нюхал оставленную исчезнувшей туфлю, ревизовал содержимое ее тарелки и опросил танцевальный коллектив из Грузии, выстроив их по росту. Оказалось, невеста просто сбежала с любовником, и это зафиксировали камеры, так что надрывался он зазря.

Но с тех самых пор в Славике прочно укрепилось мнение, что нам стоит переквалифицироваться в частное детективное агентство. А я укрепилась во мнении, что по нему психушка плачет. Несмотря на мои гневные протесты, Славик идею не оставлял. Твердил, что даже наше название «Шанс» можно оставить, а развеселую компанию отцов держать на подхвате. И вот теперь этот умник за моей спиной дал объявление в газету, а когда я стала возмущаться, заявил, что просто решил «изучить спрос».

Оправившись от тяжких дум, я в который раз зафонтанировала ругательствами, а он зашуршал обертками от конфет.

— Слушай, тебе просто нужен позитив! — прошамкал он на том конце провода. — Ты давно была в цирке?

— Я в цирке каждый день! Благодаря некоторым...

— Ладно, кончай кукситься, приезжай ко мне, как раз все подробно расскажешь.

— И не подумая, у меня дел по горло, — скривилась я.

— А если скажу, что мне нужны кое-какие лекарства? Все-таки я твоего отца спасал, пострадал, можно сказать, не за понюшку табаку...

— Я тебе что, Черный Плащ? Свистни — и он появится! — разозлилась я, потому что поняла: ехать все-таки придется. — Ты достал манипулировать мною при помощи своей ноги! Ладно, жди, скоро буду.

Глянув на часы, я вызвала Людочку из приемной и попросила ее принять посетителей, если таковые возникнут в течение оставшегося дня. Плюхнувшись в свой желтый «Фольксваген Жук», я вспомнила, что еще с утра собиралась позвонить папе № 3. Он собаку съел на толковании снов, а мне накануне как раз приснился один такой, требующий пояснения. Сам сон я помнила весьма смутно, а вот ощущение, что я запуталась в паутине и не могу выбраться самостоятельно, преследовало меня все утро.

Папа отозвался после четвертого гудка: голос его звучал отстраненно, словно он отринул все мирское и витает где-то в горных высях. Мне показалось, что в салоне моей машины даже запахло сандаловыми палочками.

Выслушав мой сбивчивый рассказ, папа долго молчал, и я уже совсем было решила, что он ушел в себя, но тут прозвучало следующее:

– Запутавшейся в паутине бабочке не легче от того, что паук оказался мертвым.

Надо сказать, последнее время папа стал оперировать одними цитатами, коих накопил за жизнь великое множество. Мы с его гражданской женой Дусей даже стали всерьез опасаться, что скоро он и вовсе перестанет разговаривать обычными, мирскими словами. Оттого она старалась чаще читать ему желтую прессу и житие звезд эстрады вслух, а я звонила и донимала его своими снами и предчувствиями, чтобы насильно вернуть с небес на грешную землю. Хватало папы ненадолго. С криком «уймитесь, трещотки» он надолго закрывался в своей тайной комнате уединения, в простонародье именуемой туалетом.

Я хмыкнула, папа немного подумал, протянул «м-да» и передал трубку сопящей рядом Дусе. Мы с ней немного потрепались о жизни, но тут я подъехала к аптеке и быстро распрощалась с мачехой.

В аптеке пахло валерьянкой, и я немного успокоила нервы, взбудораженные упоминанием бабочки и паука. Папа всегда бил не в бровь, а в глаз, оттого подсознательно я подготовилась к испытаниям.

– Ну что, болезный, диктуй, что тебе там в аптеке надо было, – потревожила я Славика, а когда он заявил, что нужные ему медикаменты – это коньяк и бананы, до которых Славик большой охотник, пришлось снова прибегнуть к помощи валерьянки.

Купив себе пару упаковок про запас, я отправилась в продуктовый, который находился в том же

здании. Грязно ругаясь про себя, я перебирала ветки бананов на витрине. Все, как одна, были с изъянами, и копать пришлось долго.

Рядом пасса ехидный дедок с сеткой, по виду — родной брат Кощея Бессмертного, весьма охочий до разговоров. Я почти совсем плюнула на бананы, обратив свой взор на полку с коньяком, как вдруг дедок разразился пронзительным монологом на тему пользы бананов для мужской потенции:

— Только я бананы давно не беру. Давеча в новостях передавали: мужчину, что бананы, вон как ты, телюбонькал, скорпион жажнул за палец. Так что ты, внучка, не шебурши так активно. Мало ли какая там живность притаилась...

Я отдернула руку, словно скорпион меня уже жажнул, и, криво улыбаясь, поблагодарила дедка за проявленную бдительность. Но на жизнь стала смотреть без удовольствия. Только скорпиона мне еще не хватало.

Пришлось прибегнуть к помощи работника магазина: надеюсь, он ничего не слышал про скорпионов. В любом случае, магазин я покинула с облегчением и с бананами в пакете.

До санатория с гордым, но ничем не подкрепленным названием «Юность» я домчала за полчаса. Юность здесь была представлена в основном Славиком и молодыми медсестрами в кокетливых белых халатиках. Остальные отдыхающие были людьми слегка за пятьдесят, статусными и важными.

Прямые очертания продолговатого главного корпуса и боковой пристройки белели среди обширного сада, украшенного аллеями и беседками. Правда, в такую пору года деревья еще только «оперились» листвой, предвкушая настоящее тепло. А вот за крышей санатория плавно, сплошным массивом, поднимался к небу сосновый лес. Он-то и придавал воздуху такую искрящуюся свежесть, что я мгновенно почувствовала, как на моем лице разгладились все мимические морщинки. Озон и тихий размеренный образ жизни.

«И никакой косметолог не нужен», — думала я, пока перепрыгивала через ступеньку на второй этаж, где у Славика был одноместный номер со всеми удобствами.

Однако отдыхающего в номере не оказалось, и уборщица, посмеиваясь, подсказала мне поискать его в спа-центре. Там я Славика и застала.

Он возлежал на кушетке в плавках цвета всего сразу да лениво потягивал кислородный коктейль в компании краснолицего грузного дядьки с зычным голосом. В бассейне резвилась пара разнокалиберных дам предпенсионного возраста, которых краснолицый игриво называл «девочками».

— Ну что, айда купаться голенькими? — радостно заорал Славик, завидев меня в дверях.

— Славик, купаться голеньким одному как минимум странно. Вон, все уже разошлись. Девочки с краснолицым в парилку отправились.

— А ты?

— А я плавать не умею, ты забыл? Да и при чем тут... Славик, ты, конечно, извини... Если честно, я думала, что ты — гей.

— Чего это? — искренне удивился Славик, а я упала на лежак рядом с ним, вытянула ноги и блаженно закинула руки за голову.

— Ну, единственная женщина, с которой я тебя видела вместе, — это твоя мама. На прошлой неделе.

— Моя мама уже два месяца гостит у родни в Анапе, — скривился приятель.

— А кто же тогда... А-а-а, — дошло до меня наконец.

— Ну, и что тут такого? — набычился Славик, теряя интерес к коктейлю. — Если даме чуть за сорок, это не значит, что она недостойна любви.

— Ну, там было хорошо «чуть за»...

— Это нюансы. Иногда я люблю разнообразить досуг, — с достоинством отозвался секретарь.

Мы еще немного вяло попререкались о жизни. Я рассказала, как обстоят дела на работе, и только начала выговаривать ему за объявление, как из парилки выскочил красномордый с девочками. Весело улюлюкая, они плюхнулись в воду, а я подумала, что далеко не кислородные коктейли вселили в них такую молодецкую удаль.

— Знакомься, мой добрый друг и сосед Анатолий, — представил мне красномордого Славик, когда тот, весело отфыркиваясь, выбрался к лежакам и плюхнулся в кресло.

— Майор Камешков, — отрапортовал дядька, козырнул мне рукой и принялся выливать воду из

ушей. — И откуда к нам такую красавицу занесло? Никак та самая прекрасная начальница, про которую Славик днями талдычит?

Я улыбнулась, дав понять, что комплимент оценила, но тут Камешкова отвлекли «девочки», вновь пытаясь утянуть его в пучину разврата, словно русалки. К веселой компании присоединился тощий мужчина с военной выправкой и усами, как у моржа, а Славик, воспользовавшись шумом, зашептал мне в ухо:

— Толик Камешков — наш первый настоящий клиент. Он в восторге от нашей идеи с детективным агентством и обещает уладить вопросы с законом в обмен на любезность. Ты не смотри, что он мужик с виду простой. У него связи есть, наш-то папа подполковник не расстарается. Принципиальный, блин.

То, как Славик легко присвоил себе моего кристально честного папу, возмутило, но я успела выразить это только гневным шевелением бровей, потому что Славик продолжил плевать мне в ухо.

Оказалось, история Анатолия стара как мир. У него имелась вторая молодая жена Алла, которую он подозревал в шашнях на стороне. Бравый майор Камешков недавно получил известие о наследстве от бездетного дядюшки-полковника из столицы. Делиться имуществом при разводе с прелюбодейкой он не желал, поэтому ему нужно было точно и срочно знать, как у Алочки обстоят дела с супружеской верностью.

Обратиться к кому-то из коллег по работе он не мог: опасался сплетен и звания «рогоносца». В довершение выяснилось, что пару дней назад он пообещал продать Славику розовый «Мини Купер» своей жены (та захотела новую «Тойоту»), хорошо скинув «по дружбе».

К тому моменту, как Славик дошел в своем повествовании до машины, он уже успел одеться, и мы вышли на улицу.

— Ты купил розовый «Мини Купер»? — не поверила я и медленно повторила по словам: — Розовый. Мини. Купер.

— Ну, пока еще официально не оформил. Дело за малым. Шикарно, да? Это всего лишь вопрос денег, — небрежно бросил Славик, помахивая брелком.

— Раньше у тебя главной особенностью в вопросе денег было их долговременное отсутствие, — съязвила я, осматривая блестящую машину, припаркованную с торца главного корпуса.

— Вообще-то, кроме работы я веду свой канал в Тик-Токе. Давно говорил, подпишись на меня. А Камешков еще и скинет мне на бедность. Пока я тут отдыхаю, бери, пользуйся! Красиво жить не запретишь... Так что там насчет нашего первого дела?

Я покрутила пальцем у виска, демонстрируя свое отношение к данной теме, а Славик, по обыкновению, принялся ныть. Забывшись, он хромал не на ту ногу, давя на жалость, и даже его лев на набалдашнике выглядел уныло.

— Обязуюсь отработать сверхурочно после выздоровления. И что тебе стоит? Уже и Восьмое марта давно позади, до выпускных еще время есть, работы-то особо нет. Ну, покатайся за ней денек-другой, авось что увидишь? А Камешков мне с лицензией поможет. Не все же мне в секретарях ходить, пора и на свои хлеба.

Мы навернули пару кругов по аллеям, вдоволь надышавшись воздухом, и Славик заторопился к ужину.

— Камешкову я сказал, что у меня есть партнер по бизнесу, который пока пошпионит за меня. Лучше ему не знать, что это ты. Ну, ты понимаешь, да? Я, конечно, за феминизм, но... Может, останешься? Я на диванчике лягу, посидим, покумекаем. А то, может, и выпьем по маленькой.

— Нет уж, — похлопала я его по плечу, — должен же кто-то работать, пока ты тут ваньку валяешь. А пить я тебе вообще запрещаю, только кефир на втором ужине. Так и быть, понаблюдаю я за твоей Камешковой, но за это ты будешь работать все летние субботы, идет?

— Человеколюбие никогда не было твоей особенностью, — скривился Славик, но, подумав, согласился и пообещал прислать мне все исходные данные по дамочке на телефон. Однако, махая вслед моей машине тростью со львом, секретарь поджимал губы и глядел недобро.

Глава 3

На следующий день работа закружила меня в водовороте праздника и веселья. Вопреки предсказаниям Славика, посыпались юбилеи, тимбилдинги и даже одно открытие салона красоты. Заставив свой стол кофейными чашками, я искрила от натуги. Пару раз даже нервно пропела «Смех и радость мы приносим людям», чем очень повеселила Людочку и приходящего айтишника.

Словом, про Славика и его мадам Камешкову я благополучно забыла, звонки болезного игнорировала, но после обеда в мессенджеры мне стали приходить мольбы и угрозы. В конце концов, Славик прислал мне голосовое сообщение, заявив, что у меня нет совести, а жена Камешкова через полчаса отправляется в медицинский центр «Зарница», где она посещает массажиста. Но не простого, а золотого. В том смысле, что стоит он бешеных денег, и Камешков подозревает, что лечит он его женушке не только спину, но и сердечные раны.

Забив адрес в навигатор телефона, я поняла, что «Зарница» находится совсем рядом с нашим новым клиентом – салоном красоты «Мона».

– Ладно, убью двух зайцев. Проведу переговоры с директором и за мадам присмотрю, – пробормотала я, хватая сумку и на ходу дожевывая булочку. – Права была мамуля, врожденная доброта меня доконает.

Справедливо решив, что моя машина для игр в шпиона слишком приметная, я вызвала такси. Подъехав почти к самому медцентру, я попросила таксиста припарковаться во дворике, откуда как раз просматривался центральный вход. Пока я искала в бездонной сумке карточку и расплачивалась, успела проворонить эффектное появление подозреваемой. Новая черная «Тойота» уже стояла на парковке медцентра, а саму Аллу я увидела только со спины, опознав по длинным волосам цвета ее же «Тойоты».

Следовать прямо за ней я не рискнула, хотя продолжала считать все эти шпионские страсти нелепым водевилем. Разумеется, я не поддерживала Славика в его идее стать детективом: спроса на эти услуги особо нет, равно как и навыков у будущего следопыта. Однако Славик утверждал, что нашел узкую нишу: богатым частные детективы ни к чему, у них и так все схвачено. А среднему классу некуда податься со своей бедой: полиции лишь бы отцепиться, а у людей всякое бывает. То семейные разборки, то соседские склоки, то адюльтер. И вот тут-то без помощи пронырливого Славика им якобы и не обойтись.

Если честно, я в это не особо верила, да и секретаря терять не хотелось. Просто я резонно предположила, что вся эта слежка нужна лишь для того, чтобы Камешков скинул Славику на машину его мечты. А если так, то отчего бы не помочь человеку? Тем более последнее время моя личная жизнь разнообразием не блистала, а тут какая-никакая, а интрига.

Навыки шпионажа я давно не тренировала, а представления мои о слежке были далеки от реальности. Потоптавшись у входа, я натянула солнечные очки, потянула на себя массивную дверь и оказалась в светлом холле суперсовременного учреждения. Здесь даже бахилы сами залазили на ноги, надо было лишь нажать кнопку на аппарате.

В конце длинного коридора, уходящего налево, я заметила Аллу, которую как раз подхватил под руку молодой статный брюнет в белом халате. Я было высунула шею, чтобы получше рассмотреть его, но тут же почувствовала на себе чей-то тяжелый взгляд.

Дама весом в центнер восседала за стойкой регистратуры с таким видом, будто она была тут всегда. Наверное, даже медцентр построили вокруг нее. Я сразу же поняла, что мне ничего не светит, а вот Славика сюда стоило прислать однозначно. Такие габариты были как раз по его части.

Стушевавшись, я попыталась сослаться на подругу, «которая посещает тут одного специалиста и мне советует», но тетка сдвинула брови и дала мне понять, что такие сведения они не разглашают.

Я немного поскучала, изучая прејскурант, и тут мне повезло: в конце брошюры шел длинный список всех врачей центра с фотографиями и описанием рода деятельности. Мужчин было всего трое, один – армянин, второй – седовласый старец с носом-картошкой, а вот третий портрет порадовал. Молодой темноволосый мужчина с небесно-синими глазами и открытой улыбкой, врач-остеопат первой категории.

– Ты-то мне и нужен, – пробормотала я, быстро фоткая его на телефон под подозрительным взглядом регистраторши.

Очевидно, я ей сразу не приглянулась, но продемонстрировать это она не могла, оттого силилась улыбнуться. Улыбка уходила вбок и упорно ассоциировалась с инсультом. Я стала жаловаться на боли в спине, и для меня «о, чудо» нашлось местечко на завтра.

Покинув злосчастный медцентр с облегчением, я направилась в салон красоты пешком, чтобы утрясти мысли в голове.

«Допустим, он ее любовник. И как я это пойму? Молодой симпатичный мужчина, вполне возможно. Сам-то Камешков далеко не Аполлон. Ну, записалась я к нему, а дальше что? Так он мне и расскажет, с кем из клиенток он спит», – размышляла я, перепрыгивая через лужи.

Благо салон находился буквально через дорогу, поэтому долго думать не пришлось. Вскоре я уже пила чай с молодым директором и обсуждала смету, начисто выбросив из головы фигуристую Аллу

и ее гарем. Достигнув с руководством консенсуса по всем вопросам и даже записавшись на стрижку, я покинула салон красоты, весело насвистывая.

Потом вспомнила, что папа № 2 всегда запрещал свистеть, чтобы не спугнуть ассигнации, и потянулась за телефоном, намереваясь вызвать такси. На улице светило солнышко, хотя весенний воздух еще не до конца прогрелся, а по ночам и вовсе стоял дубак. Да и кепку я забыла в офисе. Словом, длительные прогулки пока отменялись, но до стоянки такси, что была как раз с тыльной стороны медцентра «Зарница», я решила все же пройтись.

Когда я уже почти дошла до ближайшей машины с шашечками, из черного входа медцентра как-то бочком выскользнул врач-osteопат, а за ним, оглядываясь по сторонам, выпорхнула Аллочка.

Потеряв интерес к такси, я шагнула назад и попыталась укрыться за одиноко стоящим деревом, очень жалея, что подобраться к ним поближе нельзя.

Конечно, слышать разговор подозреваемых я не могла, но пару фотографий все же сделала. Характер общения красавца и пантеры не оставлял сомнений: эту парочку связывает не только лечение. Аллочка докурила, врач слегка сжал ей руку и, оглядевшись по сторонам, быстро «клюнул» ее куда-то в область щеки.

Весело помахивая сумочкой, мадам Камешкова обогнула здание и направилась к машине, а я, к облегчению недоумевающего водителя, таки уселась в такси.

Решив продолжить наблюдение завтра, я отправилась домой, но и там работа меня не отпускала. Более-менее покончив с делами, отправилась в ванную, после чего устроилась в кресле у искусственного камина и попыталась созерцать пламя, как учил меня папа № 3. Медитация никогда не была моим коньком, а тут еще и Славик принялся трезвонить.

Я пересказала ему события дня, гордясь собой, но к концу разговора тон у него был явно неудовлетворенный. Разозлившись, я послала его за ночным кефиром и дала отбой. Нет, а чего он, собственно, ожидал? Что я в первый же день порадую его пачкой пикантных фото?

Покачав головой, я уткнулась в сценарий юбилея начальницы налоговой и читала до тех самых пор, пока меня не сморил сон.

Наступление выходных, с одной стороны, порадовало. Но мысль провести их в одиночестве не показалась особо удачной. Можно было бы завернуть к кому-то из подруг или, на худой конец, в театр или в кино отправиться. Ухажеров хватало, но большого желания тратить на них время как-то не наблюдалось.

Даже дочерний долг в эту субботу выполнять было не нужно: мама давно живет в Ницце, первый папа дежурит, второй уехал в командировку, а третий собирался практиковать ведические медитации. Он и меня звал, но я отказалась. Во-первых, нет во мне усидчивости, а во-вторых, всегда есть вероятность уйти в себя и не вернуться. Так сам папа гово-

рит. А я молодая еще, не пожила совсем. В общем, я даже порадовалась, вспомнив о своей записи к остеопату: шея давно беспокоит, это все офисный образ жизни. Надо больше и активнее двигаться.

Тетка в регистратуре сегодня была более благоклонна. Наверное, потому что я оплатила недешевый сеанс и даже не взяла конфетку из вазы, стоявшей на расстоянии ее вытянутой руки.

Меня попросили подождать врача в холле на диванчике. Боковым зрением я видела, как рука тетки как раз потянулась за очередной шоколадной радостью, но тут из коридора показался вчерашний красавец-врач и, сделав мне знак следовать за ним, приветливо улыбнулся.

Меня провели в залитый солнцем кабинет, в котором, вопреки ожиданиям, не было никакого сверхсложного оборудования. Кресло, кушетка, на стенах — анатомические картинки, в углу — макет скелета. Стол и ноутбук. Мой нос моментально среагировал на приятный парфюм врача.

Звали его Денис Александрович, хотя он сразу же предложил перейти на «ты» и долго рассказывал мне об остеопатии. Подробно выспросив про все мои недуги, Денис уложил меня на кушетку, заботливо прикрыл ноги покрывалом и принялся «колдовать». То есть никаких ощутимых физических действий он не совершал: то держал за руку, то слегка отклонял ноги в сторону, то подкладывал ладони под затылочные бугры. Я-то думала, что он хо-рошенько мнет дамочек руками, заставляя пищать

и повизгивать от удовольствия. Одним словом, я была несколько обескуражена.

На середине сеанса я впала в некое подобие дремы и полностью расслабилась. В голове по-прежнему крутились мысли, как подойти к интересующей меня теме, но на данном этапе это не представлялось возможным. Даже если врач и ловелас, со мной он вел себя предельно корректно, хотя бездонные его глаза и обещали райское блаженство.

И тут на помощь мне пришел случай. У Дениса зазвонил мобильный телефон в кармане халата, и сквозь тонкую белую ткань я увидела имя «Алла Камешкова».

Слегка нахмурившись, Денис сбросил вызов и, поймав мой взгляд, мило улыбнулся. Закончив сеанс и велев мне лежать еще пятнадцать минут, прежде чем встать, остеопат вымыл руки и, извинившись, вышел из кабинета с телефоном в руках.

Я сообразила, что звонить он будет Алле, и в два прыжка достигла двери. Прыгать так мне точно не стоило, потому что от резких движений шею понастоящему заклинило, и я тихонечко взвыла. Но ухо к двери приклеила.

Меж тем разговор я слышала плохо: наверное, Денис отошел подальше от кабинета.

На свой страх и риск я слегка приоткрыла дверь, и вот тогда расслышала его слова:

— Ну что ты, малыш, все наладится. Скоро, очень скоро сможем не скрываться. Не забывай: петушок нам поможет! Собирайся, тебе уже пора. Выедешь

из города и направо, а там по прямой километров пятьдесят. Все, не могу болтать, работа. Целую!

Совершив очередной прыжок, которому позавидовала бы и кенгуру, я плюхнулась на кушетку и притворилась спящей. Денис мягким приятным голосом предложил мне воды, после чего под белы рученьки вывел в коридор и помахал на прощание. Мы условились, что я запишусь еще на несколько сеансов, а моя скрученная набок шея заставила врача усомниться в силе остеопатии. Только этим я могла объяснить его задумчивый взгляд, устремленный куда-то вглубь себя.

Оказавшись в машине, я потеряла злосчастную шею, вставила в уши беспроводные наушники и, тронувшись, набрала номер Славика.

— И что мне дальше делать? — спросила я главнокомандующего сыщика, отчитавшись по всем статьям.

Он у нас «главный», вот пусть и решает. Мое дело маленькое.

— Она еще спрашивает! — ахнул «главный». — Дуй к дому Камешкова, сядь на хвост Алле и узнай, куда она собралась.

— Умник какой! Мне переться пятьдесят километров незнамо куда с больной шеей. И что я там увижу? И потом, что значит «петушок поможет»? Это что же за петушок такой?

— Оставь пошлые мысли, — хмыкнул Славик, хотя я пошлых мыслей отродясь не имела. — Если бы он имел в виду то, что ты думаешь, то назвал бы

его как-нибудь гордо — младший друг, хозяин или шишка, на худой конец.

— Тьфу на тебя, малахольный, — скривилась я. — Кто о чем, а лысый о расческе... Я просто подумала, вдруг это какое-то жаргонное название лекарства? Ты же у нас медик, хоть и бывший.

— Не припомню такого. Ты что же, думаешь, они хотят Толяна того... А если она едет с киллером договариваться, чтобы муженька хлопнули? И киллер явится сюда, в санаторий, и взорвет его к чертям? А я буду рядом и... — Славик так напугал сам себя этой мыслью, что в трубке послышался звук закрывающегося шкафа-купе. Он там что, прятаться вздумал? Чтобы окончательно испортить ему настроение, я ехидно поинтересовалась:

— Допустим, я поеду за Аллой. А вдруг она задержится там на несколько дней? И кто будет финансировать эту экспедицию?

Славик тяжело вздохнул, точно разом полностью осиротел, а я застыдилась. И чего вредничаю?

На улице опять стал накрапывать дождик, настроения это мне не прибавило, да и ехать за мадам Камешковой повода я по-прежнему не видела. Пусть Славик сопит, как медведь. Буду его игнорировать.

Когда я вырулила на проспект, то констатировала, что в нужном мне направлении замерла вереница машин. Стоять в пробке не хотелось, и я свернула направо, решив сделать небольшой крюк и выскочить к объездной со стороны рынка. И вот

тут-то я и заметила эффектную машину мадам Камешковой.

Неудивительно: город у нас не то чтобы сильно большой, а она как раз жила неподалеку от центра, на улице Слободской. Ее «Тойота» бодро двигалась в потоке многочисленных машин, и я сочла это знаком свыше.

— Ладно, черт с тобой, золотая рыбка. А вот конспирацию надо соблюдать, — проворчала я, следуя за неверной женой на некотором расстоянии и очень нервируя водителей, пытавшихся меня обогнать.

Когда мы выехали на трассу, стало повеселее. Машин было уже не так много, но так как я слышала о маршруте от врача, то потерять тачку Аллы не боялась. Следовала в отдалении и даже успела полюбоваться окрестностями. Путешествия меня всегда вдохновляли, я наблюдала мелькающий за окном пейзаж, стараясь не раздражаться на Славика, который втянул меня во все эти шпионские страсти.

«Лучше буду размышлять о красотах русской природы, пробуждающейся от зимней спячки».

Мимо проносились деревья, потом я увидела поворот на пионерлагерь, где когда-то отдыхала в детстве. Потом его то ли продали, то ли закрыли. За мостом через реку пришлось свернуть направо, и тогда я насторожилась: поворот означал, что мы скоро прибудем к месту назначения.

Транспорта стало еще меньше, а тачка у меня желтая, приметная. И тут машина Аллы еще раз

свернула, уже налево, а я неспешно подкатила к указателю, который повалился набок и теперь был сильно заляпан грязью. Название населенного пункта осталось для меня загадкой, и я немного подождала.

«Пусть едет, все равно отыщу, где она машину поставила».

Проехав еще чуть вперед по вполне сносной дороге, я увидела, что она, дорога, расходится в две стороны. Алла двигалась по асфальтированному отрезку, уходящему влево, и я черепашьям шагом последовала за ней. Тут сельская автострада сделала плавный поворот, и я увидела большой деревянный крест, обозначающий въезд в деревню. На противоположной стороне — маленькое кладбище, а впереди — широкая улица с разномастными домами.

Впрочем, ни количеством домов, ни особой оживленностью деревни, видимо, похвастать не могла. Я доехала до магазина, окна которого были заколочены на зиму, и встретила только пару собак да красавца петуха, выхаживающего по пустырю у магазина. На крыльце сидели многочисленные коты, особенно выделялся толстый черныш с белым пятном. Он лежал чуть выше других и лениво поглядывал на меня, дергая ухом. Наверное, это был «смотрящий».

Немного подумав, я сдала назад и поставила машину в самом начале деревни, съехав на песчаную дорожку, ведущую к лесу. Сам лес был не особенно впечатляющий и преимущественно лиственный.

Оттого сейчас, в серости и унынии дождевых разводов, нагонял извечную русскую тоску.

Достав из багажника дождевик, который катался там еще с предыдущих майских праздников, я порадовалась своей лени. Теперь он оказался очень кстати.

Лужи на выбоинах в асфальте глаз не радовали, а новые кроссовки было жалко. Опустив взгляд вниз, я констатировала, что, выходя из медцентра, забыла снять бахилы. И повторно возрадовалась. Накинула капюшон, застегнула молнию до подбородка и поняла, что теперь меня не узнает даже родная мать. Вспомнив мать, я сразу подумала, что она бы сказала, увидев меня сейчас. Конечно же, я похожа на чучело и занимаюсь всякой ерундой, вместо того чтобы заняться своей личной жизнью. И была бы совершенно права.

— Мне и так хорошо, — вяло успокоила я саму себя, мысленно вступив в бесполезный диалог с родительницей.

Размышляя о мамуле, я вышла на центральную улицу и стала с интересом оглядываться. Чуть впереди я увидела колодец, а возле него обреталась бабулька в теплой жилетке поверх бордового халата в цветах.

— Здравствуйте! — громко поздоровалась я, а старушка кивнула. — Я тут заблудилась немного, не подскажете, как деревня называется?

Бабка, судя по всему, мне попалась совершенно глухая. Орала я долго и упорно, а выяснить удалось

только то, что зовут почтенную даму Мальвиной. А еще я узнала, что она плохо видит. И подсказали мне это даже не ее бифокальные очки, а то, что она пару раз назвала меня «милок».

Потеряв всякую надежду, я уже было собралась топтать дальше, как вдруг раздался отборный русский мат и грохот ведер. Я повернулась и увидела на тротуаре дюжего мужика в семейных трусах, телогрейке и валенках. Мат был адресован собаке, что увязалась за ним и весело покусывала его за валенки, а взор свой колоритный житель села обратил на меня. Мальвина, перекрестившись, бодро подхватила ведра и весьма резво для своего возраста затрусила к дому с облупившейся синей краской.

— Мальвина глухая совсем, — заявил мужик, ткнув пальцем в сторону бабки. — Хотя она хитрая, чертовка. Как-то послал ее на три буквы, так она мне в ответ такое выдала. Вот и думай теперь... А тебе чего надо-то? Приехала к кому в гости, что ль?

— Я тут с дороги съехала. Наверное, заблудилась. Места у вас красивые, а не подскажете, как деревня называется? — малость струхнула я, потому как вид у мужика был зловещий, а места тут, по всей видимости, пустынные. И что здесь понадобилось Алле Камешковой?

Но мой собеседник неожиданно улыбнулся, продемонстрировав добрый нрав и отсутствие парочки зубов, и весело хлопнул меня по плечу.

— Так Петушки и называется, ей-богу. Ты, наверное, в Звенячи ехала? Это дорога направо. Там

деревня поболее будет, и школа имеется, и почта. А тут у нас по весне домов жилых мало, все больше дачники на лето приезжают. Места-то красивые, мама мия! Река, мост имеется. А хош, я тебе экскурсию устрою? Меня Костик зовут, — отвесил он мне поясной поклон, а я учуяла стойкий запах перегара и содрогнулась.

Но тут в голове промелькнула одна мысль, и я принялась ее думать, пока Костик набирал воду.

— Петушки... Точно! А я все думаю, где название слышала. Тамара из Петушков! Вот это совпадение, — хлопнула я себя по лбу, а Костик неожиданно скис.

— Так ты к Томке? Мама мия! Вот до чего, я тебе скажу, баба вредная. Хоть и родня мне. Ой...

— У вас тут и Марфа имеется? — решила я сразить Костика наповал своими познаниями, а он, подумав, осторожно кивнул:

— Имеется, ей-богу. Пошли, покажу.

Шагал он, как дядя Степа Великан, и я, хоть и имела рост выше среднего, едва поспевала за ним вприпрыжку.

Повернув от магазина направо, я смогла констатировать, что деревня Петушки была не так уж и мала. Параллельно с центральной улицей шли еще несколько, спускаясь ближе к реке. Дома были разные: и старые, покосившиеся лачуги, и относительно новые кирпичные коттеджи за железными заборами.

Впереди я заметила машину Аллы, которая стояла возле очень старого дома. Двухэтажная

конструкция, по виду сохранившаяся с дореволюционных времен. Высокое крыльцо, впрочем, подновленное недавно, резные наличники, двухэтажный флигель, немного покосившийся, но весьма живописный.

— Прямо родовое гнездо, — буркнула я, а Костик хохотнул:

— Ага, петушиное. Ты глянь на флюгер, мамamia. Тутa твоя Марфа и живет. Только я к ней ни ногой, и не проси.

Я задрала голову и смогла лицезреть металлического черного петуха, который раскачивался на ветру и слегка поскрипывал.

Было в этом доме что-то зловещее и завораживающее, но подходить ближе я не рискнула. Во-первых, как я объясню свой интерес хозяйке, а во-вторых, из-за забора раздалось грозное рычание, а грозных собак я с детства боюсь. Папа № 1 говорит, что когда-то на меня с экрана телевизора гавкнул пес, потом я долго заикалась и меня даже возили к какой-то бабке-шептухе.

Вспомнив про шептуху, я подумала, что байки Тамары про колдунью, конечно же, не что иное, как бабские сплетни. И совсем было собралась задать вопрос Костику, как вдруг заметила, что он слегка нервничает.

— Нечего тут стоять. Мама мия, ей-богу, — как-то боязливо пробормотал он, делая мне знаки головой. — Нехороший это дом, вот покроешься коростой, будешь потом знать.

Костик торопливо зашагал дальше, а я припустилась за ним.

— Подождите, вы что же, тоже верите во всю эту чепуху с черной магией? Ну, послушайте, это же смешно. Разумный человек...

— Смешно не смешно, а леса здесь глухие, места тихие, пропадешь зазря. Иди вон к Томке, раз приехала. Тута ее дом, а мой напротив, — показал он рукой на крепкий бревенчатый домик с черепичной крышей и, слегка пошатываясь, побрел дальше.

Кинув на меня прощальный взор, Костик исчез за грязным деревянным забором, который в нескольких местах покосился и в целом выглядел совсем печально. На заборе висела какая-то бумажка, и я приблизилась из чистого любопытства.

Надпись гласила: «Звонок не работает. Кричите Кооостик!!!» Усмехнувшись, я покачала головой, после чего замерла у ворот, не зная, на что решиться.

«Идти к Тамаре? Надоедливая тетка меня опять заболтает, да и что нового я услышу? Истории про магию и проклятия меня не впечатлили, но с какого перепугу Алла Камешкова приехала в Петушки?»

Тут я вспомнила про слова доктора Дениса — «петушок поможет» — и мне стало не по себе. Дом с черным петушком, деревня Петушки... Все сходится! Алла приехала сюда в надежде, что ей тут помогут. Но как? Вроде бы Тамара говорила, что Марфа лечит людей за деньги. Послал ее сюда доктор. Может, нетрадиционную медицину решили подключить, раз остеопатия бессильна? Хотя я даже

не знаю, что там Алла лечит. А может, Марфа еще и порчу наводит? Тамара как раз на этом очень настаивала. Одни сплошные вопросы, а ответов нет. Ну и зачем мне вся эта ерунда? Славику я чем могла, помогла, пусть дальше сам роет землю носом.

Словно почуяв мой скепсис на расстоянии, Славик возник голосом в ухе: гарнитуру я так и не достала и теперь выглядела сумасшедшей, которая разговаривает сама с собой. По крайней мере, проехавшая мимо на стареньком велосипеде рыжая дама в фуфайке так на меня и посмотрела. Заглядевшись, она чуть не въехала в глубокую по виду лужу, а я показала ей язык.

— Ну что, больному стало лучше, он перестал дышать? — съязвила я, с сожалением рассматривая свои кроссовки. Я их все-таки заляпала.

— Типун тебе на язык, — охнул Славик. — Хотя, знаешь, я еще легко отделался. С нами тогда в горы еще Писарев ездил, друг твоего отца. Лысый такой, помнишь?

— Они все лыдые, — буркнула я. — И что?

— Умер на днях, — вздохнул секретарь. — Вернулись они с отдыха, он еще немного землю потоптал, а потом... Сердечный приступ. Говорил я ему: не пей, козленочком станешь.

— Что-то экспедиция у вас вышла какая-то очень неудачная.

— А что, если мы сейчас все по одному будем, ну, того... Как десять негрятят, — задумчиво произнес Славик, а я закатила глаза.

Его тяга к мистическому объяснению простых вещей меня всегда умиляла, но сейчас я не была настроена на дружеские беседы.

— Ладно, Писарева твоего, конечно, жаль, хоть я его и не помню. Но мне и о себе подумать надо. Знал бы ты, куда меня занесло.

Коротко изложив ему историю своего попадания в Петушки и сообщив, что два дела матерого сыщика Славки Старовойтова неожиданно слились в одно большое делище, я резюмировала:

— Короче, я сматываюсь.

— Может, ты все-таки зайдешь к этой тетке? Поспрашивай ее, что да как. Чем конкретно промышляет эта Марфа? Надо же мне что-то доложить Камешкову. А еще лучше — поселись у Тамары на пару дней, сходи к Марфе этой, как будто на лечение, авось чего и узнаешь.

— Тебе там что, в кефир что-то подсыпают? Как я здесь жить буду? — удивилась я чужой наглости.

— Понимаешь, мне лучше потянуть резину, пока Камешков решит вопросы с оформлением тачки. А потом и с разрешением на оружие, и с лицензией. А еще сегодня он пообещал, что все праздники и юбилеи их отделение полиции будет заказывать, угадай у кого? Времена нынче кризисные, так что я бы не расстраивал клиента.

— Твой Камешков под коньячными капельницами и не то пообещает, — буркнула я. — Ты мне предлагаешь тут навеки поселиться, пить горькую с Костиком и следить за петухами и блудницами?

— Зря ты так. Я бы сам с удовольствием пожил на лоне природы. Ты же знаешь, как я люблю всю эту самобытную Русь: все эти оливьешечки, погребочки, клееночки на столе, грязный, будто уже выпавший ржавым, снежок, эти домишки, «Голубые огоньки», кильку в томате, отрывные календари с анекдотами, буфетный хрусталь.

— Ты так говоришь, словно Петушки — деревня, не имеющая равных, место неопишуемых приключений и скрытых красот, — перебила я этого умника. — Тебя послушать, так жить тут — значит быть отмеченной невиданной благодатью. Покорно благодарю!

В продолжение нашего разговора я обратила внимание на то, что из дома Тамары появился маленький тощий мужичок в медицинской маске и с интересом уставился в мою сторону. Я машинально назвала его про себя Леонидом, после чего вспомнила, что он недавно падал с лестницы.

Решив не мозолить ему глаза, я отошла в сторону, к дому Костика, и тут в телефоне запикала вторая линия. Сбросив Славика, я взглянула на экран и испуганно засунула телефон в карман. Но тут он снова истошно запищал: на мамулю у меня стоял звук пожарной сирены, но ей об этом знать не стоило. Отцов у меня много, а мамуля одна, оттого она еще ценнее и расстраивать ее ни к чему.

— Ты где? — с ходу взвилась мамуля, а я машинально подобралась: она терпеть не могла сутулящихся.

— На месте, — лаконично ответила я, кашлянув.

— Интересно, на каком? Разве что на том, что у тебя ниже спины. Мало по нему в детстве били. На работе тебя нет, раз уж сегодня выходной. А твой сосед Иннокентий заявил, что ты с утра умчалась и вид имела заполошный.

— Он слишком много знает, — проворчала я, а мамуля не преминула съязвить:

— Знает так много, но ничего не слышал об антиперспирантах. А еще он говорит, что ты ешь много сладкого. Видимо, не оставила скверную привычку выставлять мусорный пакет за дверь. Вся в отца.

Я хотела уточнить, в какого именно, но тут меня словно током шарахнуло:

— А как ты... Ты что, не в Ницце?

— Да, я сейчас в твоей квартире. Хотела сделать сюрприз, но не вышло. У тебя везде бардак, холодильник пустой, куда только отцы смотрят? И меня очень волнует вопрос, почему ты рассталась с Димочкой Ланским? Его папа — унитазный король области — звонил, жаловался, что такая невестка ускользнула.

— Я не могу с ним встречаться. Не позволяют обстоятельства, — деликатно попыталась я обойти неприятную тему.

— У тебя появился кто-то другой? — пошла в атаку мамуля.

Я хотела ответить, что кто-то другой появился у Димочки, а у меня просто появился мозг, но сочла лучшим пробормотать что-то невнятное. Незачем дразнить гусей.

— Дома поговорим, — неожиданно рывкнула мамуля, а я вздохнула.

Приплыли. Обычно мамулю калачом не затащишь на родину, и встречи наши все больше проходят на ее территории, то есть на Лазурном Берегу. И если ее принесло в родной город, тому должна быть веская, я бы даже сказала, мускулистая и загорелая причина.

— Ты поссорилась с Антуаном? — кашлянула я, решив сменить тему.

— В свете последних событий я все больше склоняюсь к мысли, что его стоит называть Хуаном, — хмыкнула мамуля, а я поняла, что попала в «яблочко». — Я же тебе рассказывала, что мы занимались с ним на уроках фламенко?

Я промывчала «угу», потому что ничего такого не помнила, но разочаровывать мамулю не хотелось.

— И что? Фламенко вас не сблизило, а наоборот? В том смысле... Все так неожиданно... Ты же говорила, что ближайшие полгода не собираешься приезжать, — протянула я, пытаюсь понять, чего ждать от жизни.

И тут же испугалась своего вопроса, потому как мамуля могла подумать, что я ей не рада. Обычно после упоминаний своих бойфрендов родительница переходила к упоминанию отцов, а потом доставалось и мне. Сейчас я услышу, что она посвятила мне свою жизнь и молодость. И теперь имеет право пожить, как человек, что в ее понимании означало — на всю катушку.